

Дмитрий Васильевич Григорович

Бобыль

Дмитрий Григорович

Бобыль

«Public Domain»

1848

Григорович Д. В.

Бобыль / Д. В. Григорович — «Public Domain», 1848

«Темная осенняя ночь давным-давно окутала сельцо Комково. Погода стояла бурная, ненастная; мелкий дождь падал пополам с снегом; холодный ветер гудел протяжно в отдаленных полях и равнинах... Но буря, слякоть и темнота нимало не вредили приходскому празднику в сельце Комкове, и гулянка, которой год целый ждали обыватели, была в полном своем разгаре. На улице толпилась тьма народу. Со всех сторон слышались нестройные песни, восклицания, говор, хохот; правда, время от времени их заглушал суровый голос бури, которая с ревом и свистом пробегала по обвалившимся плетням и лачугам, но тем не менее песни и крики раздавались громче и громче, когда ветер проносился мимо и буря на минуту стихала. Почти в каждой избушке светились огоньки, и длинная нить их, отражавшаяся багровыми полосами в лужах, давала знать, что и внутри домов точно так же продолжалась пирушка. Словом, жители Комкова веселились и гуляли на славу...»

© Григорович Д. В., 1848

© Public Domain, 1848

Дмитрий Григорович Бобыль

Суд наедет, отвечай-ка, С ним я век не разберусь!

А. Пушкин

Темная осенняя ночь давным-давно окутала сельцо Комково. Погода стояла бурная, ненастная; мелкий дождь падал пополам с снегом; холодный ветер гудел протяжно в отдаленных полях и равнинах... Но буря, слякоть и темнота нимало не вредили приходскому празднику в сельце Комкове, и гулянка, которой год целый ждали обыватели, была в полном своем разгаре. На улице толпилась тьма народу. Со всех сторон слышались нестройные песни, восклицания, говор, хохот; правда, время от времени их заглушал суровый голос бури, которая с ревом и свистом пробегала по обвалившимся плетням и лачугам, но тем не менее песни и крики раздавались громче и громче, когда ветер проносился мимо и буря на минуту стихала. Почти в каждой избушке светились огоньки, и длинная нить их, отражавшаяся багровыми полосами в лужах, давала знать, что и внутри домов точно так же продолжалась пирушка. Словом, жители Комкова веселились и гуляли на славу.

Но тогда как веселье так единодушно обнаруживалось с одного конца деревни до другого, в доме самой помещицы было что-то особенно спокойно и тихо. Распутица ли помешала соседям съехаться по обыкновению к Марье Петровне, ненастье ли или другое что, а только она сидела этот раз почти без гостей. Общество составляли всего-навсего – бедная вдова, поручица Степанида Артемьевна, проживавшая в доме третий год в качестве «приживалки», и еще ближайшая соседка Марьи Петровны, Софья Ивановна, или просто «Иваниха», как называли ее крестьяне. Все три дамы расположились в небольшой уютной комнатке, выходившей на улицу.

В углу, подле незавешенного окна, сидела особнячком Степанида Артемьевна и вязала чулок; против нее на столике стояло все нужное для чаю. Огромный неуклюжий самовар из красной меди, занимавший чуть ли не половину стола, пыхтел и отдувался, как толстяк, обремененный тяжкою ношей, в знойное время; из него валили, клубясь и журча, густые струи серого пара, то направляясь на соседнее окно и обдавая его крупными каплями, то вдруг обращаясь косою полосой на сальный огарок, находившийся тут же, между чайником и чашками.

При таком неожиданном нападении со стороны соседа огарок бросал еще более сомнительный свет на пору-чицу, женщину с наружностью жесткой и деревянной, одетую, как вообще все вдовствующие поручицы-приживалки, в глубокий траур. Другие две дамы сидели поодаль от окна, у лежанки. Красное пламя жарко топившейся печки не только позволяло различать их лица, но даже обозначало на стене длинные, угловатые профили собеседниц. Одна из них, хозяйка дома, была подслеповатая маленькая старушонка, с лицом кротким и добродушным, напоминавшим скорее, однако ж, безответную простоту, чем первые два качества. На ней был черный поношенный платок, черный ситцевый капот с белыми крапинами и жиденький чепец с темными лентами, находившимися постоянно в каком-то лихорадочном состоянии, вопреки неподвижности самой владелицы; это происходило оттого, что головка старухи, и без того уже слабая, приняла дурную привычку трястись с тех пор, как раз ночью испугали Марью Петровну, объявив ей, что в Комкове загорелась баня. Наружность Софьи Ивановны представляла самую резкую противоположность с наружностью ее соседки. Ясно, что эти крутые багровые щеки, готовые лопнуть каждую минуту вместе с серыми глазами навывкате, этот узенький лоб, сплюснутый нос и темные волосы без проседи, несмотря на пятидесятый год, могли только принадлежать бойкой и энергичной женщине. Все три дамы хранили глубокое молчание. Тишина в комнате прерывалась лишь треском и щельканьем печки, метавшей на пол искры, и пискливым напевом самовара, которому вторило иногда недовольное ворчанье собачонки, лежавшей на диване, за спиной помещицы. Извне слышался отдаленный гул толпы,

бродившей по улице; время от времени гул этот как будто приближался и, смешавшись внезапно с свирепым завыванием ветра и шумом дождя, посылаемого в окна, производил такой грохот, что даже канарейка, сидевшая нахохлившись в клетке над головою поручи-цы, вздрагивала, высовывала из-под крылышка голову и начинала отряхиваться.

– Цыц, Розка, – говорила тогда Марья Петровна, обращаясь к собачке, которая принималась неистово лаять, – цыц! Господи благослови, – продолжала она, – с ума они сошли, что ли? того и смотри деревню сожгут... Степанида Артемьевна, посмотрите, матушка, в окно, уж не случилось ли чего?...

Тут Марья Петровна поворачивала с беспокойством худощавое лицо свое к окошку и крестилась с особенною выдержкою.

– Не видно ничего-с, – отвечала приживалка, обтирая рукою мутное стекло, – все окно доверху занесло снегом-с.

– Эх, матушка, Марья Петровна, охота же вам, право, допускать такие буйства, – произнесла Софья Ивановна грубым голосом, соответствовавшим как нельзя лучше ее дубовой наружности, – смотрите, когда-нибудь наживете себе беду с вашей добротой; уж когда-нибудь да сожгут вам ваше Комково ваши же мужики!..

– Пресвятая богородица, божья мать, святой Сергей-угодник... ох!.. моя Анюточка-покойница (царство ей небесное!) к нему прикладывалась... – простонала жалобно хозяйка, возводя очи к потолку и принимаясь снова креститься.

– Да, конечно, сожгут вам деревню, – продолжала соседка, – если станете попускать такие буйства и бесчинства; время же стоит почти всякий раз в этот день, как нарочно, ветренное; разумеется, дело осеннее, долго ли до беды!

– Ох! да что ж мне делать-то с ними, Софья Ивановна?...

– Как что делать, матушка? вот славно! Да кто же здесь госпожа? Сказали: не хочу, не смей, мол, вам буйствовать! да и пострадать хорошенько, вот и будет все в порядке; а то, право, долго ли этак до греха... слышите сами, какой ветер?.. слышите?...

Софья Ивановна наклонила набок голову, Марья Петровна и поручица последовали ее примеру.

Пронзительный ветер люто завывал вокруг всего дома, потрясая ставни и выступы; дождь стучал неумолимо, то глухо ниспадая на кровлю, то барабанил по окнам.

– Ох, сколько, я думаю, Софья Ивановна, бездомных-то сироточек идут теперь по миру в такую-то погодушку, – промолвила после молчка Марья Петровна, – и пристанища-то у них, бедненьких нету...

– А вам бы их небось всех к себе заманить хотелось? Много их, матушка Марья Петровна, – на всех богадельни в вашем Комкове не построишь, да и капиталу-то не достанет. Знаете ли, чем нам об этом сумлеваться, погадайте-ка лучше опять в карточки...

Слова эти произвели магическое действие на старушку; лицо ее, обыкновенно безжизненное, осмыслилось вдруг выражением живейшего участия; даже что-то вроде улыбки показалось на иссохших губах ее. Нужно заметить, что она слыла во всем околотке мастерицею гадать в карты, и в этом сосредоточивалась вся деятельность, все самолюбие доброй Марьи Петровны. Она с самодовольною улыбочкой взяла со стола замавленную колоду, стасовала ее и, тряхнув быстрее обыкновенного головкой, сказала поручице: – Степанида Артемьевна, поставьте-ка, голубушка, к нам огарок да присядьте сами сюда.

Приживалка зажгла, однако же, другую свечку, поставила ее перед помещицею и, не отвечая ни слова, уселась на прежнее свое место. Профили старух еще значительно вытянулись и расширились на стене: голова Софьи Ивановны приняла вид исполинской тыквы; нос Марьи Петровны вытянулся и заострился так немилосердно, что достигнул до чайного стола, так что при малейшем движении пламени, казалось, он клевал прямо в сахарницу, а иногда зацеплял даже за чепец поручицы, принявшейся снова за свой чулок.

– Вам, Софья Ивановна, я знаю, верно, на червонную даму... вы всегда на нее загадываете? – спросила старушка, утвердительно кивая головою.

– Ну, хорошо, ставьте хоть на червонную, – отвечала та, придвигаясь ближе.

– Уж как хорошо выходит, – говорила помещица, между тем как худощавые ее пальцы так вот и бегали по столу, – уж как хорошо... интерес, да, от трефового короля получите большой интерес... постойте, что это? Да, – продолжала она, задумчиво потирая лоб, – препятствует какая-то белокурая дама, довольно пожилая...

– Гм! белокурая! кто же, однако ж?... ну, что же еще?

– Письмо получите из дальней дороги, вести, вот видите ли, дорога?.., постойте... вот тут как будто болезнь, но небольшая, так, простуда какая-нибудь легонькая... но вообще все очень, очень хорошо; интерес, большой интерес от трефового короля получите...

– Марья Петровна, Софья Ивановна, – перебила сухо поручица, – не будете больше кушать чаю? я прикажу снести самовар...

– Погодите, Степанида Артемьевна, может, Софье Ивановне угодно будет выкушать еще чашечку...

– Нет, матушка, благодарствуйте, я уж и так по горлышко... больше не могу...

В эту самую минуту на улице раздался такой неистовый грохот, что все три дамы разом вздрогнули. Почти в то же время подле окна, где сидела приживалка, послышался протяжный вой собаки; он начался тихо, но потом, по мере возвращавшейся тишины, вой этот поднялся громче и громче, пока наконец не замер с последним завыванием ветра. Собачка, лежавшая на диване, на этот раз не удовольствовалась ворчаньем: она проворно спрыгнула наземь, вскочила на окно и принялась визжать и лаять, царапая стекла как бешеная.

– Цыц, Розка! цыц, Розка! – болезненно простонала испуганная Марья Петровна, – ох! что это в самом деле? слышите, душенька Софья Ивановна, как на дворе собака-то воеет, и ведь не в первый раз, уж не к покойнику ли?...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.